

Раздел II
АКСИОЛОГИЯ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ:
ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ

Part II. AXIOLOGY OF THE PHILOSOPHY OF EDUCATION:
SPIRITUAL VALUES AND VALUE ORIENTATIONS

УДК 37.0+13

ДУХОВНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА РУССКОГО
ПРОСВЕЩЕНИЯ И ЕГО ВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОКИ

С. В. Котина (Санкт-Петербург)

В статье рассматривается проблема воздействия восточнохристианской цивилизации на формирование просвещения в Древней Руси, при этом особое внимание уделяется сопоставлению характера древнерусского словесного творчества и византийской литературно-богословской и философской традиции.

Восточнохристианская традиция, которую старшие славянофилы считали основой русского духовного и умственного развития, обладая многовековым опытом философской рефлексии, сформировала достаточно сдержанное отношение к возможностям человеческого разума. Греческая патристика нашла сбалансированную позицию между античным рационализмом и библейскими нравственными постулатами, при этом значение философских учений не исключалось, но ограничивалось в применении к духовно-практической сфере. Философия определялась как истина относительная, служащая средством к утверждению высшего начала. В сравнении с западным христианством, где сферы применения разума и веры находились в несколько ином соотношении, греческая патристика не была склонна доверять рациональным аргументам смысла основополагающих нравственных убеждений. Западная церковь, наоборот, проявила свою спе-

© Котина С. В., 2014

Котина Светлана Владимировна – аспирант кафедры философской антропологии и истории философии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

E-mail: cveta2004@yandex.ru

Kotina Svetlana Vladimirovna – post-graduate student of the Chair of Philosophical Anthropology and the History of Philosophy, A. I. Gertsen Russian State Pedagogical University.

цифику в склонности строить вероучительные догматы на формально-логических выводах разума. Наследие латинской языческой культуры как непропорциональное устремление к формализации никогда не было изжито в западном мышлении, несмотря на то, что римская этическая и общественная системы потерпели поражение в столкновении с антропологическими идеалами христианства.

Идентичность русской культуры византийскому наследию – постоянный предмет междисциплинарных полемик и исследований. Действительно, на первых порах в древнерусском сознании богословские и философские достижения византийского христианского эллинизма воспринимались очень пассивно и в незначительном объеме, гораздо активнее происходило восприятие эстетических аспектов восточного христианства. Возможно, говорить о прямом историческом сопоставлении древнерусской книжности и византийской традиции просвещения не слишком корректно: проникновение интеллектуальных традиций измерения эллинизма в культуру, которая только что обрела собственный алфавит, представляется достаточно сложным процессом. Автор подчеркивает, что основным приоритетом развития русского просвещения является ориентация на нравственно-практическую ценность знания, имеющая предпосылкой византийское наследие. Влияние греко-византийской культуры на Русь проявлялось не столько на богословско-философском уровне, сколько в сфере воплощения системы ценностей, а выбор ценностных координат остается одной из важнейших задач современного образования.

Ключевые слова: древнерусская письменность, греческая патристика, духовно-практический характер знания, риторико-гомилетическая традиция, антропоцентризм русской философии.

A SPIRITUAL-PRACTICAL DOMINANT IDEA OF RUSSIAN EDUCATION AND ITS BYZANTINE ORIGINS

S. V. Kotina (Saint-Petersburg)

In the article, there is considered the problem of influence of the Eastern Christian civilization on the formation of education in ancient Russia, with particular attention paid to the comparison of the nature of ancient verbal creativity and the Byzantine literary-theological and philosophical traditions.

Eastern Christian tradition, which was considered by elder Russian Slavophiles as the foundation of Russian spiritual and mental development, having centuries-old experience of philosophical reflection, had formed quite a reserved attitude to the possibilities of the human mind. Greek patristics discovered a balanced position between ancient rationalism and Biblical moral precepts; whereas the significance of philosophical doctrines was not excluded, but restricted in the applications to the spiritual-practical sphere. Philosophy was defined as a relative truth, which was to serve as a means to establishing a supreme principle. In comparison with Western Christianity, where the spheres of application of reason and faith were in a slightly different proportion, Greek patristics was

not inclined to trust rational arguments for the meaning of fundamental moral convictions. On the contrary, the Western Church demonstrated its specificity in the propensity to build doctrinal tenets on formal logical deduction of reason. The heritage of the Latin pagan culture in the form of disproportionate aspiration to formalization was never gotten rid of in the Western thought despite the fact that the Roman ethical and social system was defeated in the clash with the anthropological ideals of Christianity.

The identity of Russian culture with the Byzantine heritage is a permanent subject of interdisciplinary polemics and studies. Indeed, at first, the theological and philosophical achievements of Byzantine Christian Hellenism were perceived in the ancient Russian mind very passively and on a small scale; much more actively there were perceived the aesthetic aspects of Eastern Christianity. Possibly, it is not quite correct to directly compare the ancient Russian literacy and the Byzantine tradition of education: the penetration of the intellectual traditions of Hellenism into culture, which had just acquired its own alphabet, is a rather complicated process. The author emphasizes that the main priority of the development of Russian education is the orientation toward the moral-practical value of knowledge, which has as its background the Byzantine heritage. The influence of the Greek-Byzantine culture to Russia was manifested not so much on the theological-philosophical level but in the sphere of realization of a system of values; and the choice of the value coordinates remains one of the major tasks of modern education.

Keywords: *ancient Russian literature, Greek patristics, spiritual-practical character of knowledge, rhetorical-homiletic tradition, hagiography, anthropocentrism of Russian philosophy.*

Полемика о возникновении и развитии собственных просветительских традиций на Руси имеет продолжительную историю: в столкновении западников и славянофилов в первой половине XIX в. определялись противоположные концепции культурного развития России, в конце XIX – первой половине XX вв. также представлялись всевозможные варианты преемственности данных философских позиций в ракурсе новых историко-политических обстоятельств. В последнее время актуальность исторического противостояния западничества и славянофильства можно рассматривать в связи с проблематикой использования западных моделей в системе российского просвещения, а также с поиском альтернативных вариантов модернизации образования, созвучных собственным духовным приоритетам.

Одно из первых критических суждений о древнерусской культуре принадлежит известному историку Е. Е. Голубинскому, который еще в начале XIX в. поставил под сомнение сам факт существования собственных просветительских традиций на Руси в допетровскую эпоху. По его мнению, в «Древней Руси не было просвещения как такового, а были лишь элементарные школьные знания (чтение и письмо)». Попытки князей ввести на Руси греческое просвещение не увенчались успехом, так как «ве-

личие замысла не соответствовало практическим возможностям: не было того стимула, которым служил Рим для Франкского государства, ибо Восточный Рим (Византия) был слишком удален от России» (см.: [1, с. 129]). Следовательно, согласно этой позиции, возникновение собственной системы просвещения на Руси можно связать лишь с деятельностью Петра I, ориентированной на западные традиции.

Такая точка зрения имела последовательное развитие в историософии XX в. Например, Г. Шпет «стихийное русское невежество» связывал с проблемой языка, так как перевод христианской литературы на древнеболгарское наречие лишил нашу культуру стремления к «кодификации национального языка» [2, с. 28]. Слово, по мнению Шпета, не получило на Руси своего воплощения, собственный язык воспринимался как «профанный», не способный фиксировать содержание истины. Между формирующимися структурами национального языка и греческим интеллектуальным наследием появился труднопреодолимый разрыв в попытках сохранить верность восточнохристианской традиции «русская мысль, оторвавшись от источника, беспомощно барахталась в буквенных сетях болгарского перевода» [2, с. 29]. Следствие этого – невозможность формировать собственные литературные традиции, систему распространения знаний.

В процессе этой вечной дискуссии о характере и степени зависимости русской просветительской традиции от греческого и европейского влияния неоднократно поднималась проблема смыслового содержания понятия «просвещение» на Руси. Зарубежные исследователи, прежде всего, обращают внимание на то, что это понятие трактуется лишь «в богословско-литургическом смысле, как праздник Богоявления или как внутреннее просветление» и «едва ли переводится на немецкий язык» (см.: [1, с. 128]) в традиционном значении распространения знаний. Действительно, феномен причастности русского просвещения к сфере духовно-нравственного развития воспринимается нами как обыденное явление, между тем этот факт прямо указывает на характер основной движущей силы древнерусского культурного развития.

Эта проблематика предполагает обращение к обстоятельствам византийского воздействия на возникновение книжности в Древней Руси, соотношения греческих источников с самостоятельными опытами в развитии словесного творчества. Безусловное сходство русской книжности с византийской литературной традицией заключалось в активной риторической направленности в поиске «средств приобщения и наставления в истинах веры», в отличие от западного средневекового мышления, направленного на «логически-дискурсивную разработку» вероучительного предания (см.: [1, с. 433]). Но в древнерусской культуре эта черта проявилась гораздо шире и ярче, чем в самой Византии: за основу религиозного творчества и мышления была взята повествовательная форма изложения

(жития, летописи, нравоучения) и собственно духовно-аскетическая практика (молитва, пост, литургия, иконопись). Духовно-практическая направленность, как отмечают многие авторы, сочеталась с равнодушием к теоретическому содержанию религиозных доктрин, которыми славилась аутентичная византийская традиция. Для западных исследователей установка русской проповеди на «душеполезность», «обращенность более к сердцу и воле, нежели интеллекту», отказ от рационализации, показывают определенную слабость древнерусской мысли, «состоящей в недостаточной его рефлексированности, осознанности» (см.: [1, с. 437]).

Тяготение к «гомилетическому» (учительному) и «агиографическому» (житийному) жанру в древнерусской литературной традиции часто отмечается как преобладающая характерная особенность. «Душеспасительный» характер литературного творчества более всего выразался в многочисленных повествованиях о примерах достойного образа жизни: «житийный жанр проявлялся на Руси самым оригинальным образом и достиг особого литературного совершенства, более прочих находил отклик у народа» (см.: [1, с. 184]). Например, всенародно почитаемое произведение «Житие и страсти князей Бориса и Глеба» имело невероятное количество переписываемых интерпретаций, воспевающих их духовный подвиг, то есть призывающих к осуществлению особого этического и общественно-идеала в собственной жизни. При этом теоретическая часть обоснования этой этической системы оставалась за пределами русского сознания в сравнении с византийскими источниками, по образцу которых совершались первые самостоятельные литературные опыты.

Для греческой патристики, имеющей высокий уровень классической образованности, характерной чертой являлась насыщенность философскими, догматическими и экзегетическими элементами, которые должны были попасть и в русское богословие. Но удивительным образом «религиозная энергия, породившая бесчисленные монастыри, давшая огромное количество святых и праведников, как-то не пробуждала к творчеству религиозный логос, не развивала богословской мысли» [3, с. 34]. Вопрос о долгом «русском молчании», то есть о позднем пробуждении собственных философских сил, всегда обращает на себя внимание исследователей как характерное явление народного самосознания, говорящее о специфике отношения к человеку и его познавательным способностям.

Идентичность русской культуры византийскому наследию – постоянный предмет междисциплинарных полемика и исследований. Действительно, на первых порах в древнерусском сознании «спекулятивные богословские и философские достижения византийского христианского эллинизма воспринимались очень пассивно и в незначительном объеме» [4, с. 517], гораздо активнее происходило восприятие эстетических аспектов восточного христианства. Возможно, говорить о прямом историческом сопоставле-

нии древнерусской книжности и византийской традиции просвещения не слишком корректно: проникновение интеллектуальных традиций измерения эллинизма в культуру, которая только что обрела собственный алфавит, представляется достаточно сложным процессом. Равнодушие первых русских книжников к философско-богословским основаниям христианского учения, с этой точки зрения, вполне объяснимо. Признавая как факт невозможность полного восприятия всех аспектов греческой учености на Руси, необходимо учитывать, что стремление к византийским образцам было сильным импульсом к развитию. И это стремление выразалось в воплощении новой системы ценностей, в том числе в формирующемся подходе к роли знания и образования как институту «духовно-нравственного развития личности». Первые этапы развития русского просвещения были полностью ориентированы на византийские эталоны: «все гимназическое, университетское и духовное образование имело своим фундаментом греческую культуру» [5, с. 198]. Но, восприняв традиции восточно-христианской цивилизации как наставника в вопросах духовного развития, Россия, возможно, вследствие своей политической и государственной независимости, отличалась самостоятельностью в области суждений, могла расставлять собственные приоритеты в реализации унаследованных идей. И в этом достаточно сложном для понимания аспекте, особенно с точки зрения западного исследователя, русские философы всегда склонялись к тому, что равнодушны к теоретическим дисциплинам и, наоборот, напряженное внимание к социально-практическому значению идей было созвучно тому особому видению истины, которое содержалось в творчестве восточно-христианских мыслителей.

И. В. Киреевский писал: «Конечный смысл всякой философии не отдельные истины, логические или метафизические, а то отношение, в которое она поставляет человека к последней искомой истине, то внутреннее требование, в которое обращается ум, ею проникнутый» [6, с. 215]. Подчеркивая неизбежный нравственно-практический итог всех теоретических рассуждений человечества, Киреевский, без сомнения, выразил те требования, которые именно русское сознание предъявляет к разуму и знанию. Ориентация на вопросы, так или иначе касающиеся моральной сферы, изначально свойственны образу мышления, которое складывалось в процессе просвещения Древней Руси.

Востонохристианская традиция, которую старшие славянофилы считали основой русского духовного и умственного развития, обладая многовековым опытом философской рефлексии, сформировала в итоге достаточно сдержанное отношение к возможностям человеческого разума. Греческая патристика нашла сбалансированную позицию между античным рационализмом и библейскими нравственными постулатами, при этом значение философских учений не исключалось, но ограничивалось

в применении к духовно-практической сфере. Философия определялась как истина относительная, служащая средством к утверждению высшего начала. В сравнении с западным христианством, где сферы применения разума и веры находились в несколько ином соотношении, греческая патристика не была склонна доверять рациональным аргументам смысла основополагающих нравственных убеждений. Западная церковь, наоборот, проявила свою специфику в склонности строить вероучительные догматы на формально-логических выводах разума, доказывая бытие божие на «основании искусно выточенного силлогизма» [7, с. 96]. Наследие латинской языческой культуры, как непропорциональное устремление к формализации, по убеждению И. Киреевского, никогда не было изжито в западном мышлении, несмотря на то, что римская этическая и общественная система потерпела поражение в столкновении с антропологическими идеалами христианства.

Известное падение нравственных начал в Римской империи может служить примером того, что происходит с человеческой культурой, абсолютизирующей формально-логическое мышление и нивелирующей этическое начало в человеке. Общественные законы могут быть идеальны с формальной и логической точек зрения, как в римском праве, и совершенно неприемлемы с точки зрения их внутренней справедливости. Римской иерархии ценностей эллинистический мир сознательно предпочел другую систему ценностей – христианскую этику и антропологию, которые провозгласили свободу человека от власти внешней действительности, в том числе упрощенных логических схем. Христианская философия греческого происхождения, также знакомая с категориями античной логики и метафизики, смогла переместить центр средоточия мысли с вещественных и формальных связей на внутренний смысл человеческого бытия.

Киреевский обращает внимание на то, что диалектический процесс мышления – изобретение не европейской философии, то же отношение к человеческому разуму присутствовало в дохристианской культуре. Убеждения Аристотеля приписывали диалектике «чудотворную силу, полагающую отвлеченные понятия о бытии, небытии и возникновении в начало мыслительного процесса, обнимающего все бытие и знание» [6, с. 212], но социальные последствия такого подхода, по словам Киреевского, были весьма грустны, так как формальная логика перенесла центр внутренних убеждений человека за пределы этического смысла. Сосредоточив свое мышление в области отвлеченного сознания рассуждающего разума, в которой не существовало действительных разногласий физического и нравственного бытия, человек видел мир неизменным, статичным, вечным, единым в своем разнообразии. Высшее благо последователи Аристотеля видели в мышлении, беспристрастно созерцающем это единство. По

мнению Киреевского, такой человек становится «умною материей», пови-
нующейся силе внешних сил, внешней необходимости [6].

Господство внешней формальности и рациональности, преувеличенное
стремление к «наружной согласованности понятий», как наследие латин-
ской культуры, вело западное средневековое просвещение к неприятию
того, что истины, которые имеют первостепенное значение для жизнен-
ного пути человека, превосходят сферу рассудка. Такое непропорцио-
нальное увлечение отвлеченным мышлением увенчалось торжеством ра-
циональности в немецкой философии, где «все бытие мира является че-
ловеку прозрачной диалектикой его собственного разума, а его разум –
самосознанием всемирного бытия» [6, с. 201].

Выдвигая сравнительную формулу западного и русского просвещения,
Киреевский противопоставляет качества «рассудочности» и «разумности»
как противоположные гносеологические установки. Следует отметить,
что русские мыслители, находившиеся под влиянием немецкого идеа-
лизма, в этом случае в своих размышлениях опираются на кантовскую
терминологию, оперируя «рассудком и разумом как категориями, суще-
ственно противоположными» (см.: [8, с. 32]). Односторонность рассудка,
по Канту, «заключается в гипертрофии аналитической способности мыш-
ления, всё и вся расчленяющей, пасующей перед содержательными анти-
номиями, отбрасывающей их как заблуждения, уповающей на универ-
сальность формальной логики с ее запретом противоречий в высказы-
ваниях» (см.: [8, с. 32]), а преодоление антиномических утверждений под-
властно лишь чистому разуму с его способностью к синтетическим суж-
дениям. Но противопоставление «рассудочности» и «разумности» в рус-
ской философии имеет собственные основания, отличные от немецкой
школы. «Разум» в понятиях Киреевского не становится высшей формой
теоретической мысли, автономной и самодовлеющей категорией, а ско-
рее, является характеристикой гармоничного человеческого бытия. Хотя
в том и другом случае условия этого бытия предопределены существова-
нием высшей сферы, «нравственного закона внутри нас» или истины,
имеющей трансцендентный источник.

Невозможно обойти вниманием тот факт, что в своих поздних по-
строениях Кант ставит «практический разум» выше теоретического, так
как «интерес спекулятивного разума обусловлен и приобретает полный
смысл только в практическом применении», а «единственные объекты
практического разума – это объекты доброго и злого» [9, с. 380]. В этом
пункте можно увидеть усилия по освобождению нравственной сферы от
логического диктата, то есть тот закон, который является главным усло-
вием человеческого бытия, сам по себе не требует теоретических доказа-
тельств. Иными словами, только нравственная сфера как область свободы
дает человеку возможность быть самим собой. Таким образом, попытки

ограничить сферу применения отвлеченного разума звучали и в западной культуре, но в русской философии увлеченность этическим преломлением абстрактных идей всегда проявлялась более определенно.

Стремление Киреевского обосновать новые начала философии можно понять именно как попытку истолкования кантовского «практического разума», ответственного за реализацию истины в конкретной человеческой реальности, и «чистого разума» и «рассудка» как способа формального выражения. При этом русская традиция просвещения в поиске определения степени соотношения «рассудка» и «разума», очевидно, опирается на опыт философского видения восточно-христианских авторов. Способ, являющийся принадлежностью византийской патристики, виртуозно удерживал баланс между возможностями человеческой рациональности и силой мистического откровения, оставляя в теоретическом построении системы бытия место, где действие умопостигаемых законов ограничено. Те силы человеческой природы, которые могут помочь в достижении цельного видения истины, и выходящие за пределы рациональности, в русской философии связывают со способностями «духовного разума», «внутреннего разума» [7, с. 120]. Таким образом, сосредоточенность на душевно-практическом значении истины, характерная для русского миропонимания, имеет связь в первую очередь с самой существенной стороной восточнохристианской традиции и в этом пункте противопоставлена традициям западного просвещения.

«Антропоцентричность» как качество мировоззренческой системы одинаково востребована и в русской, и в западноевропейской интеллектуальной культуре, но на практике выстраивает совершенно разные духовно-практические перспективы. Движение в одном из двух направлений никак не умаляет и не отвергает значения иного пути, тем более что для русской философии в ее самом высшем проявлении всегда было характерно стремление к универсальному синтезу. По мнению современных специалистов, российская модель образования вызывает особый интерес, так как, «не являясь ни западной, ни восточной страной, находясь “между ними” Россия сформировала свою уникальную и самобытную систему образования» [10, с. 25]. Достижение истины, поиск которой осуществлялся на Западе и Востоке в различных направлениях, предполагает многообразие форм духовного и культурного развития, поэтому сегодня требуется еще более глубокое исследование отличий и совпадений западных и русско-византийских традиций в определении путей развития современного просвещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Подскальски Г.** Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). – СПб. : Византинороссика, 1996. – 572 с.
2. **Шпет Г. Г.** Очерки развития русской философии. – М. : РОССПЭН, 2008. – 586 с.
3. **Зеньковский В. В.** История русской философии. – М. : Академ. проект, 2011. – 878 с.
4. **Мейендорф И.** Византия и Московская Русь. – М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2003. – 574 с.
5. **Корольков А. А.** Духовное просвещение как инновационное направление современного образования // Философия образования. – 2009. – № 4 – С. 196–204.
6. **Киреевский И. В.** О необходимости и возможности новых начал для философии: собр. соч. в 4 т. – Калуга, 2006. – Т. I. – С. 200–223.
7. **Киреевский И. В.** О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению в России: собр. соч. в 4 т. – Калуга, 2006. – Т. I. – С. 71–122.
8. **Корольков А. А.** Духовные основания русской школы. – Бийск : НИЦ БГПУ, 2004. – 165 с.
9. **Кант И.** Критика практического разума: собр. соч. в 6 т. – М. : Мысль, 1965. – Т. IV. – Ч. 1 – С. 311–499.
10. **Наливайко Н. В., Апилова М. С.** Глобализация как условие сближения западной и восточной систем образования // Философия образования. – 2013. – № 3. – С. 22–27.

REFERENCES

1. **Podskalski G.** Christianity and Theological Literature in Kievan Rus (988-1237). – St. Petersburg : Vizantinorossika, 1996. – 572 p.
1. **Shpet G. G.** Essays on the Development of Russian Philosophy. – Moscow : ROSSPEN, 2008. – 586 p.
2. **Zenkovsky V.** History of Russian Philosophy. – Moscow : Akadem project, 2011. – 878 p.
3. **Meyendorff J.** Byzantium and Moscow Rus. – Moscow : Publishing House of St. Tikhon's Orthodox University of Humanities, 2003. – 574 p.
4. **Korol'kov A. A.** Spiritual Enlightenment as an innovative direction of modern education. – Philosophy of Education. – 2009. – № 4. – Pp. 196–204.
5. **Kireyevsky I. V.** On the necessity and the possibility of new beginnings for philosophy: Coll. of works in 4 vol. – Kaluga, 2006. – Vol. I. – Pp. 200–223.
6. **Kireyevsky I. V.** The nature of education in Europe and its relation to education in Russia: Coll. of works in 4 vol. – Kaluga, 2006. – Vol. I. – Pp. 71–122.
7. **Korol'kov A. A.** Spiritual foundation of the Russian school. – Bijsk : SIC BSPU, 2004. – 165 p.
8. **Kant I.** Critique of Practical Reason: Coll. of works in 6 vol. – Moscow : Mysl, 1965. – Vol. IV. – Part 1 – Pp. 311–499.
9. **Nalivayko N. V., Ashilova M .S.** Globalization as a condition for convergence of Western and Eastern education systems. – Philosophy of Education. – 2013. – № 3. – Pp. 22–27.

BIBLIOGRAPHY

Konevskikh L. A. Spirituality as a subject of philosophical and cultural analysis: author's abstr. of diss. ... Candidate of Philos. Sciences. – URL: culturalstudy.pstu.ru/Def_Info/Philosophy_02.pdf (date of access: 21.01.2014).

Kosenko T. S., Kamashev S. V. Dialogue of the cultures of the West, East and Russia in the globalizing world. – Professional education in the modern world. – 2011. – № 2. – Pp. 73–81.

Nalivayko N. V. Globalization and the change of value orientations in Russian education. – Philosophy of Education. – 2012. – № 6 (45). – Pp. 27–32.

Osipov A. Russian spiritual education. – URL: www.wco.ru/biblio/books/osip6/Main.htm (date of access: 21.01.2014).

Pelican Ya. Christian tradition. History of the development of doctrine. vol. 2. Spirit of Eastern Christendom (600-1700). – URL: royal-lib.ru/book/pelikan_yaroslav/hristianskaya_traditsiya_istoriya_razvitiya_veroucheniya_tom_2_duh_vostochnogo_hristianstva_600_1700.html (date of access: 21.01.2014).

Chernikov V.cE. Spiritual and moral leitmotif of modern educational and upbringing process. – URL: www.teoria-practica.ru/-5-2013/philosophy/chernikova.pdf (date of access: 21.01.2014).

Принята редакцией: 25.02.2014

УДК 37.0+13+316.7

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОСТТРАДИЦИОННОСТИ

Г. А. Илларионов (Красноярск)

Статья посвящена актуальной проблематике ценностного ориентирования и формирования идентичности в российском образовании. Внедряемые в рамках реформирования системы образования нормы (в частности, Федеральные государственные образовательные стандарты) порождают необходимость в теоретическом осмыслении и дальнейшем корректировании образовательной стратегии в этом направлении. Вопросы ценностей и идентичности, будучи прямо связаны с наиболее общими основаниями функционирования любого общества, заведомо актуальны, поскольку позиционирование собственной идентичности и ее норм – основа государственного целеполагания, выбора средств и методов решения любых проблем, стоящих перед Россией.

Целью данной статьи является соотнесение зафиксированной во внедряемых нормах образовательной стратегии с глубокими внутренними процессами современности, совокупностью которых является глобализация, и одним из ее проявлений – посттрадиционностью. Посттрадиционность, характеризующаяся тотальной рефлексивностью, «ценностным политеиз-

© Илларионов Г. А., 2014

Илларионов Григорий Андреевич – аспирант кафедры религиоведения исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева.

E-mail: bromov1917@yandex.ru

Illarionov Grigory Andreevich – post-graduate student of the Chair of Religious Studies of the Department of History, V. P. Astaf'ev Krasnoyarsk State Pedagogical University.